

Йосси КИНСКИ (ФРАНЦИЯ)

Родился в 1980 г. в семье инженера. Прозаик, драматург, сценарист. Публиковался в журналах «Новый Континент», «Крещатик», «Номо Legens», «Чайка», интернет-журнале молодых писателей «Иные берега». Автор более десяти киносценариев, нескольких театральных пьес. Автор романа «Холодное солнце тёплой зимы» (М., 2018). Живёт в Париже.

АПЕЛЬСИНОВОЕ СОЛНЦЕ

– Я последний раз спрашиваю, почему Людовик XIV заключил своего министра Фуке в тюрьму? – вопрос учительницы, обращённый ко мне, звучал угрожающе, а её физиономия становилась всё больше похожей на бифштекс.

Кто-то из девочек хотел было подсказать, но учительница мгновенно пресекла попытку, ударив кулаком по столу.

Немного подумав, я ответил, что, наверное, он, этот самый Фуке, плохо себя вёл, или, может быть, съел суп Людовика. После этих слов лицо учительницы окончательно превратилось в бифштекс, и, указав рукой на дверь, она проорала: «Вон отсюда!»

В классе раздался хохот. Причина столь бурной реакции была понятна: учительнице почему-то казалось, будто я издеваюсь над историей. Что ж, мне ничего не оставалось, как выйти в сопровождении её громких негодующих возгласов, смысл которых заключался в том, что положительную оценку я смогу получить только через её труп. А я вообще-то всегда думал, что до тех пор, пока человек жив, положительный знак «плюс» присутствует во всём, что его сопровождает. И даже в смерти есть свой положительный смысл. Согласитесь, кресты на могилах гипотетически тоже можно принять за знаки «плюс».

В тот весенний день я увидел свою бабушку в последний раз.

Благодаря всему случившемуся в школе, благодаря истории и, наконец, благодаря учительнице, выгнавшей меня из класса, я оказался дома на час раньше. Это было для меня тоже своего рода плюсом. И, кстати, насчет истории: позже я всё-таки узнал, что заточение Фуке в тюрьму произошло из-за банальной зависти Людовика XIV к его богатству и великолепному апельсиновому саду. Избавившись таким своеобразным способом от хозяина сада, король приказал перевезти желанные апельсиновые деревья к себе в Версаль.

День выдался тёплый, но ветреный. Я поднялся по лестнице, открыл дверь своим ключом и вошёл в дом. Мама дома не было:

видимо, пошла в аптеку за лекарством. Бабушка лежала на кровати. Услышав мои шаги, она тихонько подозвала меня и сказала: «Миленький мой, как хорошо, что ты сегодня так рано вернулся из школы! Подойди ко мне, я расскажу тебе, где я спрятала свои драгоценности». И, хитро подмигнув мне, улыбнулась. Я обожаю свою бабушку. Она была необычная, особенная. Умела шутить, даже когда ей было плохо. Согласитесь, не все умеют веселиться в трудном положении.

Я подсел к бабушке на кровать и рассказал обо всём, что произошло за день. Она, как всегда, с ласковым выражением лица слушала меня, но порой мне казалось, что она думает о чём-то своём. И, действительно, бабушка вдруг сказала:

– Миленький мой, знаешь, чего я хочу?

– Чего, бабуля? – удивленно спросил я.

– Мне хочется выйти замуж, – ответила она и улыбнулась.

– А кто тебя возьмет в жёны, бабуль? Тебе же восемьдесят лет.

Не хочу тебя огорчать, но твой поезд давно ушёл.

Я принял её желание за очередную шутку и уже хотел встать, но она, взяв меня за руку, произнесла:

– А ещё мне очень хочется апельсинов. Миленький, купи мне апельсин.

Я понял, что это было сказано не в шутку и ей на самом деле захотелось апельсина. Бабушка словно просила меня исполнить её последнее желание. Ведь не зря говорят, что часто перед смертью человеку очень сильно чего-нибудь хочется. Я сунул руку в карман и быстро пересчитал мелочь.

– Ладно, бабуль, сейчас я сбегая и куплю тебе апельсин, – сказал я, надевая кепку.

Выйдя на улицу, я сел в трамвай. Все мысли были только об одном: хватит ли у меня денег хотя бы на один апельсин. На нужной остановке я вышел из трамвая и направился к фруктовой лавке. Толстый и лысый продавец угрюмо уставился на меня. «Как инквизитор», – почему-то подумал я. Мне даже представилось, как его предки сжигают на костре Джордано Бруно. Вот только его голая голова выглядела беззащитной и напоминала большой подсолнух. А эти огромные цветы всегда казались мне какими-то особенными, трогательно-несуразными, немного не от сего мира. Может быть, потому, что их любил рисовать Ван Гог, которого давно уже с этим миром ничего не связывает. Правда, этот «подсолнух» был явно другим, отнюдь не вангоговским. Выждав минуту, он спросил голосом столь же угрюмым, как и взгляд, которым он меня рассматривал:

– Ну, что тебе надо?

Я, указывая на витрину, сказал, что хочу купить апельсин. Затем вытащил из кармана монеты и высыпал их на железные весы. Торговец ухмыльнулся. Так, что мне показалось, будто посередине улицы разожгли большой костёр, а я – последняя жертва инквизиции. Наконец он хриплым голосом проговорил:

– Что это? Неужели ты думаешь, что на эту мелочь можно купить апельсин? Да у тебя тут не хватит даже на его половину! А знаешь ли ты, сколько в апельсине витаминов? Ты представляешь себе, что это значит – съесть солнце? Ты можешь себе вообразить, что происходит с каждой клеткой твоего организма, когда сок апельсина попадает вовнутрь?

Я буркнул, что точно не уверен, но где-то читал, что в одном апельсине содержится шестьдесят восемь процентов витамина С. Дневная норма для взрослого человека – 60 миллиграмм. В одном апельсине содержится примерно столько же.

– Там есть ещё и сахар. А ты знаешь, сколько нынче стоит килограмм сахара? – продолжал меня пытаться продавец-инквизитор.

Я сказал, что сахар мне не нужен, а нужен апельсин. И покупаю я его не для себя, а для бабушки, которая сейчас очень больна. Он призадумался. Было очень похоже, что он согласен продать мне апельсин. Но вдруг в лавку вошли две женщины-толстушки и принялись выбирать фрукты. Ах, если бы они заглянули туда чуть позже! Тогда бы мне повезло с апельсином. Но не всё в жизни происходит так, как нам хотелось бы. Тетки своим приходом всё испортили: «Выйди отсюда, не мешай мне работать», – проворчал «инквизитор». Ещё бы, они заполнили собой всю лавочку, и для меня там места уже не было.

Я вышел на улицу. Как назло, поблизости больше не было ни одной фруктовой лавки. Я отчаянно озирался по сторонам. Тем временем толстушки тоже вышли из магазина и сели в трамвай. Я стоял неподалёку, уже ни на что не надеясь, как вдруг услышал голос лавочника:

– Шестьдесят восемь процентов, говоришь?

Я кивнул. Он позвал меня в магазин и там, разрезав ярко-оранжевый шарик пополам, сказал:

– На твои копейки я могу тебе дать только половину апельсина. На, носи её своей бабушке.

Сказав это, он положил монетки, которые я дал ему, в карман своего белого халата. Этим движением он как будто налил воды в костёр, в котором собирался меня сжечь. Я облегчённо вздохнул, взял половинку апельсина и вышел. Когда я оглянулся, то увидел, как «инквизитор» с аппетитом дожёвывает другую половинку апельсина.

«Ты представляешь, что это значит – съесть солнце?» – вновь прозвучали в моей голове его слова.

Я поднёс апельсин к носу. От его аромата у меня даже голова закружилась. Сразу захотелось вонзиться зубами в сочную оранжевую мякоть, как это только что сделал лавочник. Но я отогнал эти мысли и побежал домой. На трамвай у меня не было денег, да и ждать его я не мог. И времени было слишком мало, ведь дома ждала больная бабушка.

Всю дорогу меня одолевали разные мысли. Я очень любил бабушку и желал ей долгой жизни. Если она сегодня съест эту половину апельсина, думал я, то проживёт ещё один день. А завтра я принесу ей целый апельсин, и тогда она проживёт целых два дня. И так я буду носить ей апельсины каждый день. С другой стороны, если бабушка умрёт, то все апельсины достанутся мне. В общем, в обоих случаях я ничего не теряю, но сегодня во что бы то ни стало этот апельсин должна съесть бабушка.

Наконец я дошёл до своего переуллка, вошёл в дом и поднялся на верхний этаж. В комнате было много людей. Я почему-то сразу догадался, что опоздал. Мама плакала. Высокий мужчина в белом халате погладил меня по голове и вышел. Я стоял как остоленелый, не зная, что делать. Потом вспомнил про половину апельсина, которую так и держал в руке. Она стала совсем горячей и жгла ладонь. Я сел на стул, с которого только что встал доктор. Я понимал только одно: бабушки больше нет на этом свете. Она не дождалась меня. Я взглянул на кровать. Бабушкино лицо было закрыто простыней. Вдруг я почувствовал, что все присутствующие в комнате смотрят на меня, сидящего на стуле, уставившегося на бабушкину кровать и сжимающего в руке апельсин. И тогда я медленно поднёс апельсин ко рту и откусил немного сочной мякоти. Её вкус действительно напомнил мне солнце. И вдруг я заплакал. Так, со слезами, текущими по щекам, я съел весь апельсин.

Что происходило дальше, я плохо помню. Кажется, вечер я провёл у дяди и даже переночевал там. Я лежал на диване и через стенку слышал, как взрослые обсуждали, где похоронить бабушку. На старом кладбище не было места, а новое располагалось довольно далеко от города. И никто не хотел хоронить бабушку там. Кто-то вспомнил, что некоторые народы хоронят покойников прямо во дворе. Засыпая, я подумал, что, наверное, все их дворы, улицы и сады сплошь утыканы крестами.

Утро было мрачным и тягостным. Я встал с кровати, но из комнаты так и не вышел. Бабушку похоронили без меня: мама не хотела, чтобы я видел её мёртвой. Я смотрел в окно и думал. О том, что бабушка уже наверняка на небесах. И, возможно, уже разгуливает где-нибудь в раю среди благоухающих апельсиновых деревьев. Ей ярко